2. Babayan S. L. *Pooshchritel'nye instituty ugolovno-ispolnitel'nogo prava (teoriya i praktika primeneniya). Diss. dokt. yurid. nauk* [Incentive institutions of penal law (theory and practice of application). Diss. Dsc. in Law]. Moscow, 2014. 592 p. (In Russ.).
3. Koptev D. A. (red.) *Zakon ob uslovnom dosrochnom osvobozhdenii s izlozheniem rassuzhdenij, na koih on osnovan* [Parole Act setting out the reasoning on which it is based]. St. Petersburg, 1909. 374 p. (In Russ.).
4. Kidyaev V. V. Istoriya razvitiya instituta uslovno-dosrochnogo osvobozhdeniya ot otbyvaniya nakazaniya v rossijskom zakonodatel'stve [The history of the development of the institution of parole from serving a sentence in Russian law]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Tomsk State University*, 2014, no. 5 (133), pp. 110–115. (In Russ.).
5. Myahanova A. N. K voprosu ob uslovno-dosrochnom osvobozhdenii nesovershennoletnih [On the issue of parole of minors]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of the Buryat State University*, 2010, no. 2, pp. 130–132. (In Russ.).
6. Petrenko N. I., Nikiforova I. A. Vliyanie obshchestva popechitel'nogo o tyur'mah na otechestvennuyu penitenciarnuyu sistemu v pervoj polovine XIX v. [The influence of a society of custodians of prisons on the domestic prison system in the first half of the 19th century]. *Probely v rossijskom zakonodatel'stve – Gaps in Russian law*, 2011, no. 4, pp. 200–203. (In Russ.).
7. Pilipenko O. A. *Uslovno-dosrochnoe osvobozhdenie ot nakazaniya: problemy teorii i praktiki. Diss. kand. yurid. nauk* [Parole: problems of theory and practice. Diss. PhD. in Law]. Rostov-on-Don, 2009. 207 p. (In Russ.).
8. Piontkovskij A. A. *Uslovnoe osvobozhdenie. Ugolovno-politicheskoe issledovanie* [Conditional release. Criminal Political Investigation]. Kazan, 1900. 251 p. (In Russ.).

DOI 10.24411/2686-9764-2020-00007
УДК 343.8

Криминальный самосуд в среде осужденных к лишению свободы: характеристика и меры профилактики

А. В. БЫКОВ – начальник Научно-исследовательского института ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;

А. М. СМИРНОВ – главный научный сотрудник НИЦ-2 Научно-исследовательского института ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент

Реферат
В статье дается характеристика самосудов криминального характера в среде осужденных к лишению свободы. Данные самосуды всегда будут иметь актуальность для научных исследований в силу своей многоаспектности, распространенности в среде осужденных и негативных последствий для пенитенциарной практики. В частности, они влияют на обеспечение безопасности личности в местах лишения свободы, поддержание позитивного морально-психологического климата в среде спецконтингента, эффективную реализацию исправительного процесса и достижение целей уголовно-исполнительного законодательства. Именно поэтому необходимо проведение научных исследований, направленных на изучение социально-правовой природы криминальных самосудов среди осужденных к лишению свободы. Причины самосудов кроются в обычаях и традициях криминальной субкультуры, а также в свойственной человеческой природе предрасположенности к решению конфликтных ситуаций самостоятельно. Профилактика самосудных расправ криминального характера в местах лишения свободы является весьма сложной задачей в силу латентности, свойственной криминальной среде. Вместе с тем сотрудникам исправительных учреждений следует принимать все возможные меры по недопущению распространения самосудов в местах социальной изоляции. Представители пенитенциарной науки должны оказывать научно-методическую помощь в этом направлении. Именно поэтому в статье изложен комплекс мер по профилактике данного негативного явления.

Ключевые слова: исправительное учреждение; самосуд; криминальный самосуд; пенитенциарный конфликт; криминальная субкультура; профилактика пенитенциарной преступности.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

Criminal lynching among convicts sentenced to imprisonment: characteristics and preventive measures

A. V. BYKOV – Head of the Research Institute of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Law, Professor;

A. M. SMIRNOV – Chief Researcher of the Research Center-2 of the Research Institute of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law, Associate Professor

Abstract

The article gives a description of criminal lynching among convicted. These lynching will always be relevant for scientific research due to its multidimensionality, prevalence among convicts and negative consequences for prison practice. In particular they affect the provision of personal security in places of deprivation of liberty, the maintenance of a positive moral and psychological climate among the special contingent, the effective implementation of the correctional process and the achievement of the goals of the penal legislation. That is why it is necessary to conduct research work aimed at studying the socio-legal nature of criminal lynching among convicted persons. The reasons for lynching lie in the customs and traditions of the criminal subculture as well as in the predisposition to resolve conflict situations on their own in human nature. Prevention of criminal mob attacks in places of imprisonment is a very difficult task due to the latency inherent in the criminal environment. However correctional staff should take all possible measures to prevent their spread in places of social isolation. Representatives of penal science should provide scientific and methodological assistance in this direction. That is why the article sets out a set of measures to prevent this negative phenomenon.

Key words: correctional institution; lynching; criminal lynching; penal conflict; criminal subculture; prevention of penal crime.

12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law

Самосуд всегда имел место в социальной практике любого общества, выступая одним из эффективных, с точки зрения обычных граждан, средств разрешения конфликтных ситуаций. С развитием цивилизации его проявления в общественных отношениях сократились, однако он до сих пор имеет место в негативных сферах социальной деятельности (например, в антисоциальном (криминальном) образе жизни).

В узком смысле под самосудом над причинителем вреда понимается самочинная расправа, осуществляемая без обращения к представителям власти и учиняемая над человеком, которого подозревают в совершении какого-либо правонарушения, или когда есть все основания быть уверенным в силу достаточной доказательственной базы в том, что он является виновником этого правонарушения или причастен к его осуществлению [4, с. 685; 11, с. 930; 8, с. 178]; некая разновидность самоуправства, осуществляемого по своей воле и на свое усмотрение [2, с. 15]

В силу того что самосуд может осуществляться над лицом, совершившим не только противоправные, но и иные деяния, в широком смысле он представляет собой самостоятельную расправу над индивидом за совершение им любого проступка, не соответствующего принятым в обществе нормам поведения.

Со своей стороны под самосудом предлагаем понимать негативное социальное явление, представляющее собой самостоятельное противоправное наказательное реагирование лица на нарушение установленных в обществе правовых предписаний, нравственных запретов, а также субкультурных традиций, совершаемое из мести за эти действия (бездействия).

Самосуд является одним из устоявшихся проявлений криминальной субкультуры, включающей в себя совокупность ценностей и установок, неформально регламентирующих и предопределяющих характер поведенческой активности, мировоззрения лиц, ведущих криминальный образ жизни. По сути основные ее положения построены на совершении личностью каких-либо самостоятельный действий, автономных от официального правосудия. Это и объясняет, например, достаточную распространенность самосудных расправ в среде осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы.

Как отмечают исследователи, одной из важных функций криминальной субкультуры

является регулятивная, упорядочивающая характер взаимоотношений между лицами, ведущими криминальный образ жизни или в силу совершения преступного деяния по ситуативным мотивам попавшими в среду таких лиц (например, будучи помещенными в места лишения свободы). Помимо этого данная субкультура искажает сознание человека, систему его смысло-жизненных ориентаций, формируя в нем самые крайние, извращенные и деструктивные формы взаимоотношений [10]. Самосуд как наиболее яркое проявление социальной деструкции выступает характерным признаком тюремной субкультуры.

Специфические условия социальной изоляции, полностью ограниченное пространство исправительного учреждения с находящимися в нем наиболее криминализированными представителями преступного сообщества обусловливают повышенную агрессивность лиц, осужденных к лишению свободы, которые не в полной мере способны контролировать и сдерживать свои агрессивные поведенческие установки [6]. Самосуд распространен в пенитенциарных учреждениях еще и потому, что обычаи и традиции тюремной субкультуры императивно предписывают осужденным, придерживающимся и пропагандирующим их, быть автономными от сотрудников данных учреждений в любых вопросах, особенно касающихся разрешения межличностных конфликтов [1; 10].

Самосуд в среде осужденных к лишению свободы чаще всего осуществляется посредством совершения преступных деяний, большую часть которых составляют преступления против личности. Самораправы обладают значительной общественной опасностью, поскольку часто имеют летальные последствия, обусловливают аутоагрессивное поведение своих жертв вплоть до совершения самоубийства. Помимо этого им свойственна повышенная латентность, так как обычаи и традиции тюремной субкультуры обязывают осужденных не разглашать информацию о совершении самосудных расправ в среде спецконтингента пенитенциарных учреждений под угрозой применения строгих ответных санкций со стороны иных осужденных.

В силу этого криминальные самосуды одних осужденных над другими являются для Федеральной службы исполнения наказаний весьма тревожным обстоятельством, поскольку являются условием, способствующим дезорганизации деятельности исправительных учреждений, осложняют оперативную обстановку в них, негативно сказываются на оценочных показателях их функционирования, создают сложности в работе, направленной на эффективную реализацию исправительного процесса и достижение целей уголовно-исполнительного законодательства.

Анализ самосудных расправ в исправительных учреждениях позволяет говорить о том, что они в основном совершаются над двумя группами лиц:

1. В отношении приговоренных к лишению свободы за совершение определенных преступных деяний, квалифицируемых по так называемым «неавторитетным статьям» (например, половых преступлений, особенно сопряженных с посягательствами на половую неприкосновенность, убийство несовершеннолетних). По законам криминального мира насилие в отношении несовершеннолетних и лиц женского пола серьезно осуждается. Именно поэтому будучи помещенными в места социальной изоляции за совершение подобных преступных деяний виновные в них лица подвергаются как бы повторному неформальному осуждению со стороны иных осужденных. Последствия таких самосудов могут быть любыми, вплоть до лишения жертвы жизни, поскольку, в отличие от официального российского правосудия, воровскими законами моратория на смертную казнь не предусмотрено. Особо жестоким самосудным расправам в местах лишения свободы подвергаются женщины, отбывающие наказание за детоубийство, поскольку среди лиц женского пола это самое осуждаемое деяние, и женщины, в отличие от мужчин, слабо сдерживают свои эмоции и контролируют обусловленное ими поведение и характер наступивших от него последствий.

2. В отношении сообщающих представителям администрации исправительного учреждения и контролирующих органов о деяниях, совершенных или совершаемых иными осужденными, связанных с нарушением правил внутреннего распорядка и в целом режима отбывания наказания [7]. Тюремная субкультура предполагает применение неправосудных мер наказания к осужденным, уличенным в сотрудничестве с администрацией исправительного учреждения, в ходе которого последняя получает информацию о процессах, происходящих в среде осужденных, в силу чего подрывается автономность их существования от администрации. После выявления таких осуж-

денных и применения к ним наказания, не предполагающего никакого снисхождения, данные осужденные переходят в одну из самых низших и презираемых каст неформальной тюремной иерархии – обиженных. Подтверждением могут служить результаты отдельных научных исследований, согласно которым практически половина (45 %) осужденных, ставших «обиженными», получили этот статус из-за связей с сотрудниками правоохранительных органов. Приобретение данного неформального статуса существенно ухудшает положение осужденного в местах социальной изоляции. Таким осужденным приходится довольствоваться лишь самым худшим из того, что входит в жизнь и быт уголовной среды [5, с. 174–175].

Самосудный характер разрешения конфликтных ситуаций в местах социальной изоляции в основном свойственен для осужденных, особо чтящих традиции и обычаи тюремной субкультуры, имеющих садистские и эгоистические наклонности, проявляющих пренебрежительное отношение к лицам, имеющим иные взгляды и социальные установки. Им свойственны отсутствие навыков самоконтроля, невыработанность сдерживающих императивов поведения, повышенная агрессивность, весьма низкий уровень правосознания, неразвитость культуры межличностных взаимоотношений, достаточно искаженная и скудная система морально-нравственных ценностей.

К сожалению, сотрудникам администрации исправительных учреждений зачастую не удается вовремя отреагировать на самосудные расправы в среде спецконтингента в силу их непредсказуемости, поэтому жертвам данных расправ чаще всего причиняется ожидаемый вред.

Следует отметить, что криминальные самосуды имеют высокие показатели латентности, поскольку значительная доля их жертв не сообщает о случившемся, тщательно скрывает причины причинения им вреда, что связано с опасением навлечь на себя еще большее наказание со стороны иных осужденных. Кроме того, некоторые сотрудники предпочитают умалчивать о подобных фактах, не желая портить показатели своей работы, или же используют жертв самосудных расправ для проведения оперативно-розыскной работы, обещая им поддержку и защиту. Поэтому о фактах самосуда в исправительных учреждениях удается узнать, если последствия совершенного деяния сложно скрыть (убийство, тяжкие и особо тяжкие посягательства на жизнь и здоровье, повлекшие смерть потерпевшего, в отдельных случаях посягательства на половую неприкосновенность и половую свободу личности).

Профилактика самосудных расправ криминального характера среди осужденных осложняется их устойчивостью в местах лишения свободы. Тем не менее проведение данной работы необходимо в силу требований Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г., одной из целей которой является повышение эффективности работы учреждений и органов, исполняющих наказания, в направлении обеспечения гарантий соблюдения прав и законных интересов лиц, отбывающих в них наказания, а также для повышения эффективности исправительного процесса.

Таким образом, профилактика криминальных самосудов в среде осужденных к лишению свободы может быть реализована в двух направлениях, включающих работу с сотрудниками исправительных учреждений и осужденными к лишению свободы.

1) меры, адресованные сотрудникам исправительных учреждений:

– постоянный мониторинг причин и условий, способствующих совершению самосудных расправ криминального характера в среде осужденных;

– анализ выявленных детерминант и обстоятельств совершения криминальных самосудов и выработка мер по их устранению на оперативных и иных совещаниях руководства исправительного учреждения;

– проведение психологической работы с сотрудниками исправительного учреждения, направленной на снижение уровня их профессиональной деградации и восприятия обычаев и традиций тюремной субкультуры;

– изучение зарубежного опыта профилактики самочинных расправ среди осужденных к лишению свободы, апробация и внедрение в деятельность исправительного учреждения его положительных результатов.

Особенно важное значение для профилактики криминальных самосудов в среде осужденных к лишению свободы имеет использование средств и методов оперативно-розыскной деятельности в силу высокого уровня латентности рассматриваемого вида расправ и сложной прогнозируемости;

2) меры, направленные на осужденных к лишению свободы:

– обеспечение повышенного уровня безопасности в отношении осужденных, являющихся потенциальными жертвами само-

судных расправ криминального характера. Предоставление этим осужденным безопасных мест в любое время, когда они этого попросят, при наличии достаточных оснований полагать возможность совершения самосудных расправ;

– осуществление постоянного физического и технического надзора за осужденными с применением современных инженерно-технических средств охраны и надзора. Необходима расстановка аудиовизуальных технических средств наблюдения, позволяющая максимально контролировать передвижение, поведение и межличностные контакты осужденных;

– постановка на профилактический учет осужденных, склонных к физическому (особенно сексуальному) насилию, соблюдающих обычаи и традиции криминальной субкультуры и пропагандирующих их;

– своевременное и неотвратимое привлечение к уголовной ответственности осужденных, виновных в учинении самосудных расправ криминального характера, назначение таким осужденным справедливых мер наказания;

– проведение целенаправленной и адресной воспитательно-профилактической работы с осужденными к лишению свободы, направленной на формирование негативного отношения к обычаям и традициям криминальной субкультуры, особенно связанным с насилием над личностью, на отказ от следования этим обычаям и традициям, их пропаганды в среде спецконтингента [3];

– проведение индивидуальной профилактической и психолого-педагогической работы с осужденными к лишению свободы, виновными в самосудных расправах криминального характера;

– разработка и проведение тематических бесед и лекций, направленных на выработку и закрепление у осужденных, отбывающих лишение свободы, гуманного и уважительного отношения к любому лицу, его правам и свободам, взглядам и убеждениям, вне зависимости от каких-либо обстоятельств и личностных характеристик;

– оказание осужденным, ставшим жертвами самосудных расправ криминального характера, квалифицированной психологической помощи.

Перечень данных мер не является исчерпывающим. Он может быть дополнен иными эффективными видами деятельности в зависимости от вида исправительного учреждения, сложившейся в нем обстановки, качественного состава содержащихся осужденных.

Таким образом, разрешение осужденными в местах лишения свободы конфликтных ситуаций посредством самосуда над лицами, виновными в их возникновении, достаточно частое явление. Самосудные расправы сопряжены с применением опасного для жизни и здоровья человека насилия, носят криминальный характер. Имеют негативные последствия как для обеспечения безопасности личности в местах лишения свободы, поддержания позитивного морально-психологического климата в среде спецконтингента, так и для функционирования исправительного учреждения в целом.

Причины самосудных расправ кроются в обычаях и традициях криминальной субкультуры, а также свойственной человеческой природе предрасположенности к решению конфликтных ситуаций самостоятельно. Наличие представления о причинах и понимание природы их происхождения помогает осуществлять эффективную работу по профилактике криминальных самосудов среди осужденных в исправительных учреждениях. Профилактика самосудных расправ криминального характера в местах лишения свободы является весьма сложной задачей в силу высокой степени латентности данных деяний. Вместе с тем сотрудникам исправительных учреждений следует принимать все возможные меры по недопущению их распространения в местах социальной изоляции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Вилкова, А. В.** К вопросу микросреды исправительных учреждений для несовершеннолетних осужденных, формирующей общественно-нравственные ценности / А. В. Вилкова // Российский следователь. – 2014. – № 8. – С. 44–45.
2. **Даль, В. И.** Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 томах. Том 4 / В. И. Даль. – Москва : Русский язык, 2007. – 683 с. – ISBN 978-5-9576-0353-5.
3. Исправление осужденных : монография / под научной редакцией Ю. М. Антоняна, А. В. Быкова. – Москва : [б. и.], 2014. – 331 с. – ISBN 978-5-600-00-57-9.
4. **Ожегов, С. И.** Словарь русского языка / С. И. Ожегов ; под редакцией Л. И. Скворцова. – 24-е изд., испр. – Москва : ОНИКС 21 век : Мир и образование, 2003. – 894 с. – ISBN 5-329-00741-0.
5. Пенитенциарная криминология : учебник / под редакцией Ю. М. Антоняна, А. Я. Гришко, А. П. Фильченко. – Рязань : АПУ ФСИН России, 2009. – 566 с. – ISBN 987-5-7743-0270-3.
6. **Смирнов, А. М.** Криминологическая характеристика лиц, совершающих самосудные расправы в России / А. М. Смирнов // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2013. – № 3 (23). – С. 12–14.

7. **Смирнов, А. М.** Народное правосудие в России : монография / А. М. Смирнов. – Москва : Юрлитинформ, 2014. – 396 с. – ISBN 978-5-4396-0656-6.
8. Современный толковый словарь русского языка / главный редактор С. А. Кузнецов. – Санкт-Петербург : Норинт, 2004. – 959 с. – ISBN 5-7711-0103-6.
9. **Спасенников, Б. А.** Правовая антропология (уголовно-правовой аспект) : монография / Б. А. Спасенников ; под редакцией И. Я. Козаченко. – Архангельск : Поморский государственный университет им. М. В. Ломоносова, 2001. – 304 с. – ISBN 5-88086-244-5.
10. **Старков, О. В.** Криминальная субкультура : спецкурс / О. В. Старков. – Москва : Волтерс Клувер, 2010. – 240 с. – ISBN 978-5-466-00490-8.
11. **Ушаков, Д. Н.** Большой толковый словарь современного русского языка / Д. Н. Ушаков. – Москва : Альфа-Принт, 2005. – 1239 с. – ISBN 5-98628-044-х.

REFERENCES

1. Vilkova A. V. K voprosu mikrosredy ispravitel'nyh uchrezhdenij dlya nesovershennoletnih osuzhdennyh, formiruyushchej obshchestvenno-nravstvennye cennosti [On the microenvironment of correctional institutions for juvenile convicts, shaping social and moral values]. *Rossijskij sledovatel' – Russian investigator*, 2014, no. 8, pp. 44–45. (In Russ.).
2. Dal' V. I. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka. V 4 tomah. Tom 4* [Explanatory dictionary of living Great Russian language. Vol. 4]. Moscow, 2007. 683 p. (In Russ.).
3. Antonyan YU. M., Bykov A. V. (red.) *Ispravlenie osuzhdennyh* [Correction of convicts]. Moscow, 2014. 331 p. (In Russ.).
4. Ozhegov S. I. *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. Moscow, 2003. 894 p. (In Russ.).
5. Antonyan YU. M., Grishko A. YA., Fil'chenko A. P. (red.) *Penitenciarnaya kriminologiya* [Penal criminology]. Ryazan, 2009. 566 p. (In Russ.).
6. Smirnov A. M. Kriminologicheskaya harakteristika lic, sovershayushchih samosudnye raspravy v Rossii [Criminological characteristics of persons committing lynching in Russia]. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie – Bulletin of the Institute: Crime, Punishment, Correction*, 2013, no. 3 (23), pp. 12–14. (In Russ.).
7. Smirnov A. M. *Narodnoe pravosudie v Rossii* [People's justice in Russia]. Moscow, 2014. 396 p. (In Russ.).
8. Kuznecov S. A. (red.) *Sovremennyj tolkovyj slovar' russkogo yazyka* [Modern explanatory dictionary of the Russian language]. St. Petersburg, 2004. 959 p. (In Russ.).
9. Spasennikov B. A. *Pravovaya antropologiya (ugolovno-pravovoj aspekt)* [Legal anthropology (criminal law aspect)]. Arkhangelsk, 2001. 304 p. (In Russ.).
10. Starkov O. V. *Kriminal'naya subkul'tura* [Criminal subculture]. Moscow, 2010. 240 p. (In Russ.).
11. Ushakov D. N. *Bol'shoj tolkovyj slovar' sovremennogo russkogo yazyka* [Large explanatory dictionary of modern Russian language]. Moscow, 2005. 1239 p. (In Russ.).

DOI 10.24411/2686-9764-2020-00008
УДК 343.34

К вопросу об освобождении от уголовной ответственности при совершении преступлений против общественной безопасности

А. Г. АНТОНОВ – профессор кафедры уголовного права Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, доцент

Реферат
Значительной и неотъемлемой частью уголовного законодательства России являются специальные основания освобождения от уголовной ответственности, которые содержатся в примечаниях ко многим статьям Особенной части УК РФ. Они получили достаточно широкое распространение относительно преступлений против общественной безопасности. С учетом анализа данных оснований автор предлагает критерии их установления, фундаментом которых выступает специфика общественной опасности преступления, и собственное понимание содержания и видов общественной опасности преступления; приводит подробную классификацию рассмотренных норм, выявляет законодательные пробелы и предлагает направления по расширению установления специальных оснований освобождения от уголовной ответственности применительно к преступлениям против общественной безопасности. Также сделан вывод, что такие основания направлены на охрану общественных отношений от преступных посягательств и предупреждение совершения новых преступлений, то есть выполняют задачи уголовного законодательства Российской Федерации. Проведенное исследование показало вектор уголовно-правовой политики нашего государства в отмеченном автором аспекте.